

САЛЬТЕАДОР

Александр ДЮМА

Перевод с французского А.А. Худадова

I.

СЬЕРРА-НЕВАДА

Среди горных цепей, избороздивших Испанию от края до края, от Бильбао до Гибралтара и от Аликанте до мыса финистер, спору нет, самая поэтическая и по своему причудливому абрису, и по историческим преданиям – Сьерра-Невада, которая как бы продолжает Сьерру-де-Гуаро и отделена от нее лишь живописной долиной, где берет начало один из истоков Орхивы, небольшой реки, что низвергается в море между Амутьнекаром и Мотрилем.

Еще и поныне арабский дух там жив во всем – в нравах, одежде, в названиях городов, в памятниках и пейзажах, хотя вот уже два с половиной столетия миновало с тех пор, как мавры покинули королевство Альмохадов.

Надо сказать, что земля эта, которую сыны пророка завладели из-за предательства графа Хулиана, была для них землей обетованной. Андалусия, расположенная между Африкой и Европой, так сказать, край срединный, – она наделена красотами одной и богатствами другой, но лишена их неприятных, тягостных особенностей: тут растительность, пышную, как в Митидже, орошают прохладные воды Пиренеев; тут нет испепеляющего зноя Туниса, ни жестоких морозов России. Привет тебе, Андалусия, сестра Сицилии, соперница Канарских островов!

Живите, любите и умирайте беззаботно, будто вы в Неаполе, если вам повезло и вы – обитатель Севильи, Гранады, Малаги!

Кстати говоря, в Тунисе мне довелось встретить мавров, которые показывали мне ключ от их дома в Гранаде.

Ключ перешел к ним от предков, а они намеревались завещать его своим потомкам. И если когда-нибудь их дети вернутся в град Абн-аль-Хамар, то найдут дом, где жили их предки, и увидят, что за 244 года – с 1610 по 1854

год – тут почти ничего не изменилось, если не считать, что многолюдное полумиллионное население сократилось до восьмидесяти тысяч душ и заветный ключ откроет, по всей вероятности, двери пустого дома или же дома, в котором нерадивые преемники даже не потрудились переменить замок.

И в самом деле, ничего испанского не выросло на той земле, где пальмы, кактусы и алоэ – самая естественная растительность; да, ровно ничего, даже дворец, который начали возводить по повелению благочестивого Карла V, не пожелавшего жить в обители эмиров и халифов, но над дворцом высится Альгамбра, а он так и не поднялся выше первого этажа под насмешливым взором своей соперницы.

Итак, край этот – чудесная сокровищница искусства и цивилизации, уровня которых никогда не достичь его нынешним обитателям, последний осколок и последний оплот арабской империи в Испании, – красуется на побережье Средиземного моря и тянется от Тарифы до Альмасарона на протяжении приблизительно ста двадцати пяти лье и на тридцать пять – сорок лье вдаётся в глубь страны – от Мотриля до Хаена.

Сьерра-де-Гуаро и Сьерра-Невада пересекают две трети этих земель.

С вершины Муласена – самого высокого пика горной цепи – можно сразу охватить взглядом рубежи этого края.

На юге Средиземное море обширным синим покрывалом протянулось от Альмунекара до Алжира, на севере плодородная долина Гранады огромным зеленым ковром раскинулась от Уэльмы до Венты Карденьяса.

А на востоке и западе без конца и края протянулся необъятный горный хребет со снежными вершинами, и каждый гребень напоминает замерзшую волну, взметнувшуюся к небу.

И наконец, внизу справа и слева от этого моря льда – океан гор, постепенно переходящих в холмы с вершинами, покрытыми седым лишайником, а пониже – красноватым вереском, темной зеленью елей, еще ниже – зелеными дубами, желтым пробковым дубом, а затем видишь деревья разных пород, сочетания всевозможных оттенков; в просветах коврами раскинулись поляны, заросшие земляничником, мастиковым деревом и миртами.

Ныне три дороги – одна из Мотриля, другая из Велес-Малаги, а третья из Малаги – пересекают снеговую съерру и приводят вас с морских берегов в Гранаду, причем первая проходит через Хаен, вторая через Алкаасин, последняя – через Кольменар.

Но в ту пору, когда началась наша история, а именно в июньские дни 1519 года, дорог еще не было, или, вернее, их только обозначили еле приметные тропинки, по которым шагали с дерзкой самоуверенностью *argieros*¹ да их мулы.

Тропинки эти нечасто пробегали по ровной местности, а вились по ущельям и горным кручам, то взлетая вверх, то сбегая вниз, словно кто-то нарочно проложил их так, чтобы испытать стойкость путешественника. Порой узкая спираль тропы поднималась вокруг скалистой вершины, вздымавшейся, как исполинская египетская пирамида, и путешественник буквально повисал вместе со своим беспечным мулом над бездной, в которой тонул его обезумевший от ужаса взгляд. И чем круче был подъем, тем раскаленнее становились скалы и тем опаснее становился путь, и человек вместе со своим мулом, казалось, вот-вот сорвется с каменистой дорожки, ибо путники, проходя по ней, сгладили все неровности и в конце концов она стала гладкой и скользкой, как мрамор.

Правда, миновав орлиное, гнездо по названию Альхама, дорога становилась легче и по довольно отлогому склону, если странник отправлялся в путь в Гранаду из Малаги, спускалась в долину Хаены, зато тут на смену опасности, так сказать, физической, приходила другая, не менее страшная: обе стороны дороги щетинились крестами, испещренными зловещими надписями.

Кресты эти были воздвигнуты над могилами убитых разбойниками путников, которые в те смутные времена населяли горный край Кордовы и Гранады – Съерру-Морену и Съерру-Неваду.

Надписи на крестах не оставляли никакого сомнения в том, какой смертью пали те, кто покоился под их сенью.

Пересекая горные хребты три века спустя после тех путешественников, которых мы сейчас покажем нашим читателям, мы видели кресты, подобные тем, что мы описываем, видели на их перекладинах, навевающих

уныние, такие слова, весьма мало утешительные для тех, кто их читает:

ЗДЕСЬ

БЫЛ УБИТ ПУТЕШЕСТВЕННИК.

МОЛИТЕСЬ ГОСПОДУ БОГУ ЗА ЕГО ДУШУ

Или:

ЗДЕСЬ

БЫЛИ УБИТЫ СЫН И ОТЕЦ.

ОНИ ПОКОЯТСЯ В ОДНОЙ МОГИЛЕ.

ДА БУДЕТ С НИМИ МИЛОСТЬ БОЖЬЯ!

Но чаще всего встречалась такая надпись:

AGUI MATARON UN HOMBRE

А это просто-напросто означает – здесь убит человек.

Своеобразный список убиенных тянулся на протяжении полутора-двух лье, почти по всей долине, затем путники пересекали ручей, который, обогнув деревню Касен, впадает в Хениль, и попадали в другую часть горного края. Тут сьерра, надо признаться, была чуть ниже и легче было преодолеть подъемы. Тропинка терялась в огромном сосновом бору, позади оставались узкие ущелья и отвесные скалы. Вы словно попадали в более спокойные края, и после перехода в полтора лье по извилистой горной тропе, затемненной деревьями, перед вами открывались поистине райские места, куда вы и спускались по пологому склону, покрытому зеленым ковром травы. Там росли желтые душистые цветы, шиповник с алыми плодами, кусты, усыпанные ягодами, по виду схожими с земляникой, а по вкусу – с бананами, но не с теми отменными ягодами, которые они напоминают.

Добравшись до этих мест, странник мог с облегчением вздохнуть, ибо, очевидно, он избавился от двойственной опасности, которую избежал чудом, – опасности разбиться насмерть в пропасти или погибнуть от руки разбойников.

И в самом деле, слева от дороги, приблизительно в четверти лье, виднелось убежище – небольшое белое здание, стены которого, казалось, сделаны были из мела – не то постоялый двор, не то крепость. Над воротами висел портрет какого-то человека – смуглое лицо, черная борода, тюрбан на голове и скипетр в руке.

Надпись над портретом гласила:

AL REY MORO

2.

Хотя ничто не указывало, что мавританский король, под защитой которого процветал постоялый двор, был последним властелином Гранады, тем не менее тот, кто не был совершенно чужд прекрасному искусству живописи, понял бы, что художник задумал изобразить сына Зорая, Абу Абала, по

прозванию Аль-Закир – его-то Флориан и вывел под именем Буабдила, сделав одним из главных персонажей своей поэмы «Гонсальво де Кордова».

Мы поспешили поступить так, как поступали путешественники, – пустили лошадь галопом, торопясь добраться до постоянного двора, и поэтому даже не потрудились взглянуть мимоездом на одну особу – сначала она, пожалуй, показалась бы невзрачной, однако заслуживает особого описания.

Правда, она притаилась под сенью старого дуба, за холмом.

То была девушка шестнадцати – восемнадцати лет, по некоторым признакам она, казалось, принадлежит к мавританскому племени, по другим же признакам она имела право занять место в большой европейской семье; быть может, в ней соединились две расы, и она как бы являла собой промежуточное звено – в ней с удивительным своеобразием сочетались жгучая, чарующая обольстительность южанки и нежная пленительная красота невинной девушки-северянки.

Иссиня-черные волосы цвета воронова крыла, ниспадая на грудь, обрамляли ее продолговатое, безупречно очерченное лицо, и было в нем что-то горделивое; огромные глаза, голубые, как подснежники, ресницы и брови под цвет волос, кожа матовая, молочно-белая, губы свежие, будто вишни, зубы краше жемчуга, шея грациозная и изящная, как у лебедя, руки, пожалуй, чуть длинноватые, зато безукоризненной формы, стан гибкий, словно лоза, глядящая в воды озера, или пальма, что покачивается в оазисе, хорошенькие босые ножки – вот такой была незнакомка, на которую мы позволили себе обратить внимание читателя.

Наряд у девушки был оригинальный и пестрый, голову украшал венок из пышных веток жасмина, сорванных с живой изгороди дома, который мы уже описали, темно-зеленые листья и алые ягоды чудесно сочетались с копной черных волос. Шею ее украшала цепь из плоских колец, величиной с золотую монету, нанизанных тесным рядом и отбрасывающих блики, рдевшие, как отсветы пламени. Платье ее причудливого покроя, сшитое из той шелковой ткани в две полосы – одну белую, другую цветную, – какую в те времена ткали в Гранаде и еще в наше время выделывают в Алжире, Тунисе и Смирне. Стан ее охватывал севильский пояс с золотой бахромой – такие пояса и ныне носит щеголь, что с гитарой под полой крадется к своей возлюбленной, чтобы пропеть ей серенаду. Если бы пояс и платье были

новыми, в глазах бы, пожалуй, рябило от резкого сочетания ярких красок, до которых большие охотники арабы и испанцы, но все пообтерлось и выцвело от долгой носки, и наряд стал прелестен и в те времена пленил бы взор Тициана, а позже привел бы в восторг Веронезе. Но всего удивительнее было, – впрочем, такую странность встретишь чаще всего в Испании, а в те времена особенно, – так вот, всего своеобразнее было несоответствие богатого наряда с будничным занятием девушки. Она пряла пряжу, сидя на большом камне у подножия одного из тех крестов, о которых мы уже говорили, в тени громадного зеленого дуба, спустив ножки в ручей; искристая вода прикрыла их серебристой вуалью.

Поодаль по скалистым уступам скакала козочка, ощипывая листья с куста горького раkitника; по словам Вергилия, это неугомонное, бесстрашное существо – обычное достояние неимущего.

Девушка вращала прялку левой рукой, вытягивая нить правой, поглядывала на свои ножки, вокруг которых струилась и журчала вода, и напевала вполголоса какую-то песенку, – пожалуй, она не выражала ее мысли, а скорее вторила внутреннему голосу, шептавшему о чем-то в глубине ее сердца, неслышно для других.

То и дело девушка-певунья, перестав петь и работать, окликала козочку – нет, она не подзывала ее, а словно хотела дружески подбодрить и называла ее по-арабски «маза»; всякий раз козочка, услышав это слово, норовисто трясла головой, звенел ее серебряный колокольчик, и она продолжала щипать траву.

Вот слова песенки, которую напевала девушка с прялкой, песенки тягучей и монотонной, мотив которой с давних пор сохранился и в долинах Танжера, и в горах Кабилии.

Заметим, что это был романс, известный в Испании под названием «Песнь короля дона Фернандо».

О возлюбленная Гранада,

Восхищенных очей отрада,

Стань, Гранада, моей женой!
И прими от моих Кастилии
В дар три крепости в полной силе
И три города, что застыли
В пене каменной кружевной.

Ты пошарь своей ручкой узкой
В той шкатулочке андалусской,
Что мне господом вручена.
Выбирай все, что сердцу мило!
Коль Хиральда тебя пленила –
У Севильи, что мне постыла,
Будет отнята вмиг она.

И пускай возропщет Севилья,
И пускай возропщет Кастилья,
Ты тревожиться не изволь.
Услужить тебе сердце радо,
Мне нужна лишь одна награда –
Мне ворота открой, Гранада, –

Дон Фернандо я, твой король.

Тут она подняла голову, собираясь окликнуть козочку, но так и не успела произнести ни слова – голос ее осекся, а взгляд остановился на повороте дороги, идущей из Альхамы. Вдали появился всадник – он мчался галопом по горному склону, иссеченному широкими полосами света и тени, в зависимости от того, часто или редко росли там деревья.

Девушка посмотрела на него и снова принялась за работу, но, продолжая прясть, почему-то стала рассеянной И, чутко прислушиваясь к стуку копыт, который раздавался все ближе и ближе, запела песенку – «Ответ королю дону Фернандо»:

Дон Фернандо, и я не скрою,

Что люблю тебя всей душою,

Но, с учтивостью не знаком,

Мавр меня как рабыню держит,

Лишь цепями меня он нежит,

Лишь во сне мне свобода брезжит, –

Видно, век мне жить под замком!

II.

ГОНЕЦ ЛЮБВИ

Когда девушка пела последний куплет, всадник был уже так близко, что она могла, подняв голову, разглядеть и его костюм, и его лицо.

Он был красив и молод, лет двадцати шести, в широкополой шляпе с огненно-красным пером, которое реяло в плавном полете.

Поля шляпы отбрасывали тень на лицо, и в полусвете сверкали черные глаза – очевидно, они легко могли вспыхнуть и пламенем гнева, и пламенем любви. Нос у него был прямой, точеный, усы чуть подкручены кверху, и между ними и бородкой поблескивали зубы, белые и острые.

Несмотря на жару, а пожалуй, именно из-за жары, он был в кордуанском плаще – накидке, которая кроится на манер американского пончо с вырезом посередине и надевается через голову. Она прикрывала всадника от плеч до голенищ сапог. Накидка эта из шерстяной ткани того же огненно-красного цвета, что и перо на шляпе, затканная золотом по краям и вокруг выреза, как и весь его наряд, была необыкновенно изящна.

Ну а конь, которым он искусно управлял, великолепный скакун лет пяти-шести, с могучей шеей, развевающейся гривой, широкой спиной, хвостом до земли, был той редкостной масти, которую последняя королева Кастилии Изабелла недавно ввела в моду. Кстати говоря, просто непостижимо, как в азарте, охватившем всадника и лошадь, они могли промчаться по крутым тропинкам, которые мы попытались описать, как не сверзлись они в пропасти Алькаасина или Альхамы.

Испанская поговорка гласит: у пьяных есть свой бог, у влюбленных – своя богиня. На пьяного наш всадник похож не был, зато, надо признаться, как две капли воды походил на влюбленного.

И это сходство становилось неоспоримым оттого, что он даже не взглянул на девушку, вероятно, и не заметил ее, ибо смотрел только вперед, и, видно, в такую высь воспарил он душой, что стрелой пролетел мимо девушки, перед которой, безусловно, даже король дон Карлос, такой благоразумный и сдержанный, несмотря на свои девятнадцать лет, пожалуй, остановился бы – так она была хороша собой в тот миг, когда, вскинув голову и посмотрев на гордеца, прошептала:

– Бедный юноша!.. Какая жалость!

Почему же девушка жалела его? На какую опасность – в настоящем ли, в будущем – она намекала?

Быть может, мы об этом узнаем, если последуем за изящным всадником до харчевни «У мавританского короля».

Чтобы добраться до этой харчевни, куда он, видно, так спешил, ему пришлось преодолеть еще два-три небольших ущелья – в глубине одного из них и стояла девушка, мимо которой он проехал, не видя ее или, вернее, не обратив на нее внимания. Дорога шла по узкой долине шириной в восемь – десять футов, не больше, прорезая густые заросли миртовых кустов; то там, то здесь возвышались два, а то и три креста, означавших, что близость харчевни отнюдь не предохраняла путешественников от печального удела, и у тех, кто проезжал по этим дорогам, где уже погибло столько странников, должно быть, сердце было защищено тою броней из непробиваемого металла, о котором говорил Гораций, вспоминая первого мореплавателя. Приближаясь к этим зловещим местам, всадник удовлетворился лишь тем, что проверил, по-прежнему ли висит шпага на его боку, а пистолеты – на луке седла, скорее машинально, а не от тревоги, ощупал их и, удостоверившись, что все обстоит благополучно, продолжал мчаться с тем же спокойным выражением лица по гиблым этим местам – или, как говорят в тех краях: *el malo sitio*.

Взлетев на перевал, он поднялся на стременах и стал искать взглядом харчевню, затем дважды пришпорил лошадь, и она, словно горя желанием угодить всаднику и став от этого неутомимой, ринулась в неширокую долину, напоминая послушливую лодку, что, взлетев на гребень волны, вновь несется вниз в пучину.

И то, как мало внимания обращал путешественник на дорогу, по которой мчался, и то, что его явно обуревало желание поскорее добраться до постоянного двора, имело два последствия.

Во-первых, он не заметил людей, притаившихся в засаде по обеим сторонам дороги в зарослях кустарника на протяжении по меньшей мере четверти лье; было их человек десять, и ни как охотники на облаве, растянулись на земле и старательно следили, чтобы не потухли фитили аркебуз, лежавших рядом. Заслышав топот копыт, все они, как один, упираясь коленом левой ноги и рукой о землю, схватили правой рукой дымящиеся аркебузы и прижали приклады к плечу.

Вторым последствием было то, что, видя, как стремительно мчится всадник на своем неутомимом коне, злодеи в засаде повели негромкий разговор о том, что всадника, без сомнения, поджидают в харчевне, что он туда завернет и, следовательно, поднимать стрельбу на проезжей дороге, выдавать себя нечего, – может статься, пройдет какой-нибудь. большой караван, сулящий кусочек пожирнее, чем добыча, которую захватишь, ограбив путника, пусть даже богача и щеголя.

Люди, притаившиеся в засаде, и были «могильщиками», – как подобает добрым христианам, они возводили кресты над могилами, уложив туда путешественников, неосмотрительно защищавших свои кошельки, когда эти лихие сальтеадоры⁴ с аркебузами в руках встречали их сакраментальной фразой, что почти одинаково звучит на всех языках и у всех народов: «Кошелек или жизнь!»

Должно быть, девушка знала об этой опасности и подумала о ней, когда, глядя на красавца всадника, проскакавшего мимо нее, невольно обронила со вздохом:

– Какая жалость!

Но мы уже видели, что разбойники в засаде, по той или иной причине, ничем не выдали своего присутствия.

Однако ж, подобно охотникам на облаве, с которыми мы их сравнили, что снимаются с места, когда дичь уходит, они высунули головы из-за кустов, затем выбрались из зарослей, вышли на дорогу и зашагали вслед за путешественником к харчевне, во двор которой уже влетели конь и

всадник.

Во дворе его встретил служитель и с готовностью схватил лошадь под уздцы.

– Меру ячменя коню! Мне – стакан хересу. А для тех, кто скоро будет здесь, – обед. Да получше!

Не успел путешественник произнести эти слова, как в окне показался хозяин харчевни, а в воротах появились разбойники из засады.

Разбойники и хозяин обменялись понимающим взглядом – они словно спрашивали: «Выходит, мы хорошо сделали, что не схватили его?» А он, должно быть, отвечал:

«Отлично!»

Всадник тем временем стряхивал пыль с плаща и сапог и до того был этим занят, что даже не заметил, как они переглядываются.

– Входите же, любезный кавалер, – сказал хозяин. – Хоть постоянный двор «У мавританского короля» и затерялся среди гор, но, благодарение богу, кое-что у нас найдется. Кладовая полна дичи, нет только кролика – ведь это нечистое животное. Сейчас у нас жарится ollapodrida⁵, и со вчерашнего дня готовится gaspacho⁶, ну а если угодно, подождите: один из наших приятелей, отменный охотник на крупного зверя, сейчас гонится за медведем; повадился косолапый лакомиться моим ячменем, с горы за ним спускается. Так что скоро мы сможем попотчевать вас свежей медвежатиной.

– Ждать твоего охотника некогда, хоть предложение и заманчиво.

– Воля ваша, а я уж постараюсь вам услужить, любезный кавалер.

– Вот и славно. Хоть я и уверен, что сеньора, гонцом которой я вызвался быть, настоящая богиня и вкушает лишь аромат цветов, а пьет лишь утреннюю росу, но все же приготовь самые отменные кушанья и покажи комнату, в которой думаешь ее принять.

Хозяин распахнул дверь в большую комнату, выбеленную известкой, с

белыми занавесками на окнах и дубовыми столами, и сказал:

– Здесь.

– Хорошо, – одобрил проезжий. – Подай-ка мне стакан хересу да узнай, дали ли меру ячменя моему коню. И срежь в саду самые лучшие цветы для букета.

– Слушаюсь, – ответил хозяин. – А сколько приборов ставить?

– Два: для отца и для дочери. Челядь, услужив господам, поест на кухне.

– Будьте спокойны, любезный кавалер. Когда гость щедро платит, все делается быстро и хорошо.

И хозяин, словно торопясь подтвердить сказанное, вышел из комнаты и крикнул:

– Эй, Хиль, два прибора! Педро, ячмень коню задали? Амапола – мигом в сад за цветами.

– Превосходно, – промолвил всадник с довольной улыбкой. – Теперь мой черед.

Он снял с цепочки, висевшей на шее, золотой медальон старинной работы, величиной с голубиное яйцо, открыл его, положил на стол, принес из кухни горящий уголек, положил в золотую коробочку и присыпал уголек щепоткой порошка, – дым тотчас же развеялся по горнице, наполнив ее тем нежным и стойким ароматом, который ласкает ваше обоняние, когда вы входите в спальню арабской дамы.

Тут появился хозяин, держа в одной руке тарелку, на которой стоял стакан с хересом, а в другой только что откупоренную бутылку; следом за ним шел Хиль, неся скатерть, салфетки и стопку тарелок; позади Хиля выступала Амапола с огромной охапкой пламенеющих цветов – во Франции они не растут, но в Андалусии так обычны, что я даже не узнал их названия.

– Выберите самые лучшие, – приказал девушке проезжий. – А остальные дайте мне.

Амапола взяла самые красивые цветы и, составив букет, спросила:

– Так хорошо?

– Превосходно, – ответил он, – перевяжите его.

Девушка поискала глазами веревку, бечевку, шнурок. Тогда проезжий выхватил из кармана ленту, отливавшую золотом и пурпуром, как видно, заранее припасенную для букета, и отсек кинжалом кусок.

Он передал ленту Амаполе, она перевязала букет и положила его по указанию молодого человека на одну из тарелок, которые Хиль только что расставил на большом столе.

А проезжий собственноручно разложил остальные цветы на полу от двери, выходившей во двор, до стола, так что образовалась пестрая дорожка наподобие тех, что устраивают в день святого причастия.

Затем он кликнул хозяина харчевни и сказал ему:

– Приятель, вот золотой за то, что я ввел тебя в расход.

Хозяин отвесил поклон.

– Ну а теперь, – продолжал молодой человек, – если дон Иниго Веласко де Гаро спросит тебя, кто заказал для него обед, скажешь, что проезжий, имя которого тебе неизвестно.

Если донья Флора спросит тебя, кто сделал для нее дорожку из цветов, кто преподносит ей букет, кто курил благовония, ответишь ей, что все это сделал гонец любви дон Рамиро д'Авила.

И, вскочив на своего прекрасного коня, которого держал под уздцы слуга, он вихрем вылетел со двора таверны и галопом продолжал путь по направлению к Гранаде.

III.

ДОН ИНИГО ВЕЛАСКО ДЕ ГАРО

Певунья, пасущая козочку, так и застыла у подножия одного из холмов, уже упомянутых нами, и не могла видеть, как всадник попал на постоянный двор, как выехал оттуда, зато она, казалось, настороженно прислушивалась и все ждала, не донесутся ли до нее какие-нибудь звуки, не угадает ли она по ним, что же там происходит, и она не раз устремляла ввысь недоуменный взгляд своих прелестных глаз, будто удивляясь, почему появление такого нарядного и богатого дворянина обошлось без бурных происшествий.

Разумеется, не слыша здесь, за холмом, разговора путешественника с хозяином таверны, она даже не догадывалась, из-за каких злодейских замыслов поклоннику доньи Флоры суждено было остаться целым и невредимым.

Надо сказать, что в тот миг, когда дон Рамиро д'Авила, отдав все распоряжения и подготовив таверну «У мавританского короля» к достойной встрече дона Иниго Веласко его дочери, стремглав выехал за ворота и помчался по пороге в Гранаду, перед взором девушки возник верховой в нарядной одежде, скакавший во главе отряда всадников.

Отряд этот состоял из трех групп, отличных друг от друга.

Первая, авангард, как мы сказали выше, уже вырисовывалась на западном склоне невысокой горы и состояла из одного-единственного человека – слуги дона Иниго Веласко однако, наподобие сицилийских *campieri*⁷ – слуг в мирное время и воинов в часы опасности, – одет он был в ливрею-мундир, сбоку прикрыт длинным щитом и держал прямо, как копье, прикладом к колену, аркебузу с горящим фитилем, не оставляя сомнения в том, что отряд даст отпор, если на него нападут.

Главное звено отряда, старик лет шестидесяти – шестидесяти пяти и девушка лет шестнадцати – восемнадцати, двигалось шагах в тридцати позади авангарда.

Замыкал цепочку арьергард, который двигался на таком же расстоянии от них, что и верховой, указывавший дорогу, в него входили двое слуг со щитом на боку, вооруженные дымящимися аркебузами.

Итак, всего двое господ и трое слуг.

В повествовании слугам уготовано весьма скромное место, зато главные роли суждено играть их господам, поэтому да будет нам позволено обойти молчанием Нуньеса, Камахо и Торрибио и особое внимание уделить дону Иниго Веласко де Гаро и его дочке, донье Флоре.

Дон Иниго Веласко, как мы уже говорили, был старик шестидесяти – шестидесяти пяти лет, хотя слово «старик» вряд ли подходит человеку, пусть и преклонных лет, но моложавому.

В самом деле, и борода, едва тронутая сединой, и длинные волосы во вкусе Филиппа Красивого и Фердинанда Католика, чуть посеребренные инеем, подходили человеку пятидесяти – пятидесяти пяти лет, не больше.

Однако ж, на свою беду, как и все те, у кого была достославная молодость, он не мог скрыть своего возраста, ибо часто, в разные времена, оставлял глубокий след в истории своей страны. В тридцать лет дон Иниго Веласко, носивший одну из знаменитейших фамилий, наследник одной из богатейших семей Кастилии, воспылал страстью к приключениям, полюбив девушку, на которой не мог жениться, ибо отец доньи Мерседес де Мендо (так звалась эта королева красоты) был врагом его отца и оба поклялись в вечной ненависти; повторяем, в тридцать лет дон Иниго Веласко, – а наставником его был отец Марчена, первый пастырь королевства, который, невзирая на опасность, пошел наперекор Святому писанию и согласился с предположением Христофора Колумба о том, что земля круглая, так вот, дон Иниго тоже пришел к этой мысли и скорее от отчаяния, нежели из убежденности стал последователем теорий генуэзского мореплавателя, содействуя его замыслам.

Известно, сколько довелось выстрадать при дворе католических королей этому мученику, этому гению, которого даже самые незлобивые советники

Изабеллы и Фердинанда считали мечтателем и безумцем; после того как он, не добившись успеха у себя на родине – в Генуе, где поведал всем о своем замысле, о том, что, направляясь на запад, можно достигнуть империи Катай⁸, упомянутой его предшественником – Марко Поло, после того как Иоанн II, прогнав Колумба, предательски повелел одному лоцману попытаться осуществить план экспедиции, которую во всеуслышание называли бессмысленным предприятием, Колумб предстал перед королем Арагона Фердинандом и королевой Кастилии Изабеллой, посулив обогатить Испанию, одарив ее не городом, не провинцией, не королевством, а целым миром.

Восемь лет прошли в тщетных хлопотах и ходатайствах.

Но счастье прославленного генуэзца, – а мы уже не раз рассуждали о том, что в его жизни незначительные причины часто порождали значительные последствия, – так вот, на счастье прославленного генуэзца, по воле провидения в ту пору, когда Он, Христофор Колумб, намеревался пуститься в путешествие, именно в ту пору, когда владычество калифов в Испании пало вместе со своим последним оплотом, – племянник одной из самых близких подруг королевы до безумия влюбился в девушку, жениться на которой у него не было никакой надежды.

Мы раболепно просим прощения у любви за то, что отнесли ее к числу причин незначительных. Так или иначе, причина эта, будь она незначительной или значительной, породила важные последствия.

Имя племянника нам уже известно – дон Иниго Веласко, князь де Гаро. Имя его тетки – Беатриса, маркиза де Мойя.

Итак, самой любимой подругой, самой близкой поверенной королевы была маркиза де Мойя. Пока отмечаем это для памяти, чтобы возвратиться к этому немного погодя.

Веласко решил покончить счеты с жизнью и был бы убит, если бы смерть не отступала перед ним, как отступает перед людьми бесстрашными. В битвах, которые католические короли вели против мавров, он постоянно сражался в первых шеренгах: он был среди тех, кто брал приступом крепости Иллора и Моклина – эти укрепления столицы были так важны, что их называли глазами Гранады; участвовал в осаде Велеса, когда *zagal*⁹

Абу Абала попытался снять осаду с города и его войска были отброшены с огромными потерями; он участвовал в захвате Хибальфаро, когда город Ибрагима был захвачен с бою и разграблен; был он, наконец, под стенами столицы Буабдила, когда, как говорят испанцы, съев гранат зернышко за зернышком – другими словами, завоевав королевство город за городом, – католические короли обложили войсками старый город, возвели вокруг него новый с домами, церквями, крепостными укреплениями и назвали его Санта-Фе в знак того, что они выполняют обет и не снимут осады, покуда Гранада не сдастся.

Гранада сдалась 25 ноября 1491 года – в 897 году хиджры¹⁰, 22 дня месяца Мохаррема¹¹.

Для Колумба, который выжидал целых восемь лет, наступило время действовать; король Фердинанд и королева Изабелла завершили дело, начатое Пелагием семь веков тому назад: они расправились с неверными в Испании.

И Колумб предложил снарядить экспедицию, заявив, что главная ее цель – обращение неверных некоего Нового Света.

А чтобы достичь этой цели, просил дать в его распоряжение всего две каравеллы, экипаж в сто человек и три тысячи крон.

Говорил он не только о цели религиозной, но и о материальных благах, какие принесет экспедиция, о неисчислимых золотых россыпях, бесценных алмазных копиях.

Что же мешало алчному Фердинанду и благочестивой Изабелле попытать счастья в предприятии, которое и с мирской, и с духовной точки зрения – во всех отношениях задумано было удачно?

Сейчас мы расскажем о том, что им мешало.

Христофор Колумб заранее добивался высокого вознаграждения, достойного его службы, а именно – чина адмирала испанского флота, титула вице-короля всех тех земель, которые он намеревался открыть, десятую часть тех доходов, которые принесет экспедиция, и сохранения за своими потомками по мужской линии всех титулов и почетных званий, какие ему будут пожалованы.

Требования эти казались непомерными, тем более что Христофор Колумб, хоть он и уверял, что является потомком одного из самых знатных родов Пьяченцы, хоть он и писал королеве Изабелле о том, что, если она назначит его адмиралом, он будет не первым адмиралом в его роде, но предъявить доказательства, подтверждающие его благородное происхождение, он не мог, и при дворе толковали, что он якобы просто-напросто сын бедного ткача не то из Когорзо, не то из Нерви.

В конце концов требования Колумба повергли в негодование гранадского архиепископа Фердинанда Талаверу, которому их католические величества поручили изучить проект «генуэзского лоцмана» – так обычно называли при дворе Христофора Колумба.

Особенно же возмутили архиепископа требования десятой части всех доходов, что в точности совпадало с налогом взимаемым церковью и называемым «*dixme*»¹², и уязвляло щепетильную, возвышенную душу дона Фердинанда Талаверы.

Итак, бедняге Колумбу не повезло, ибо остальные три его требования – и о получении высокого чина адмирала, и о получении титула вице-короля, и, наконец, о получении права наследования этого титула, как это принято в королевском или княжеском роде, оскорбили гордость Фердинанда и Изабеллы, ибо самодержцы тех времен еще не привыкли относиться к людям незначительным, как к себе подобным, а Колумб, человек неимущий и безродный, говорил с ними с такой самоуверенностью, будто голову его уже украшал золотой венец Гваканегари или Монтесумы.

Вот почему после ожесточенного спора в совете, где у Христофора Колумба было только два сторонника – дон Луис де Сент-Анхель, сборщик церковных доходов Арагона, и дон Алонсо де Кантанилья, управляющий финансами Кастилии, – предложение было окончательно отвергнуто, к немалому удовольствию короля Фердинанда и немалому огорчению королевы Изабеллы, сентиментальной особы.

Ну а недруги Колумба – при дворе их было великое множество – считали, что решение принято бесспорно, и воображали, будто навсегда отделались от потешного чудака, который пытался убедить всех, что по сравнению с услугами, которые он сулил оказать, все прочие услуги ничтожны.

Но они упустили из виду дон Иниго Веласко, князя де Гаро, и его тетку Беатрису, маркизу де Мойя.

И в самом деле, на следующий день после того, как архиепископ дон Фердинанд де Талавера сообщил Колумбу о том, что их католические величества отказали ему, и хотя дон Луис де Сент-Анхель и дон Алонсо де Кантанилья пытались смягчить это решение, но никаких надежд у несчастного мореплавателя больше не оставалось, донья Беатриса вошла в молельню к королеве и с явным волнением попросила Изабеллу сообразоваться принять ее племянника.

Изабелла, удивленная печальным видом своей любимицы, взглянула на нее и, чуть помедлив, произнесла тем ласковым тоном, «каким обычно говорила с людьми, ей близкими:

– Что ты сказала, дочь моя?

Королева Кастилии имела обыкновение нарекать в знак дружбы «дочерьми» своих самых близких подруг, впрочем, оказывала она эту милость нечасто.

– Я сказала, ваше величество, что племянник мой, дон Иниго Веласко, имеет честь просить вас о прощальной аудиенции.

– Дон Иниго Веласко? – повторила Изабелла, как видно, стараясь припомнить, знаком ли он ей. – Да не тот ли это молодой воин, который так отличился во время нашей последней войны при взятии Иллора и Моклина, при осаде Белеса, взятии Хибальфаро и в других ратных делах?

– Да, это он! – воскликнула донья Беатриса, вне себя от радости и гордости оттого, что имя ее племянника всколыхнуло воспоминания в душе королевы. – Да, да, государыня, это он и есть.

– Так ты говоришь, он уезжает? – спросила Изабелла.

– Да, государыня.

– В дальние края?

– Боюсь, что да.

– Что ж, он покидает Испанию?

– Очевидно.

– Вот как!

– Он, словно оправдываясь, говорит, что ныне уже не может быть полезным вашему величеству.

– Куда же он отправляется?

– Я надеюсь, – отвечала донья Беатриса, – что с соизволения королевы он сам ответит на этот вопрос.

– Хорошо, дочь моя, скажи ему, что он может войти.

И пока маркиза де Мойя, почитая своим долгом сопровождать племянника, шла к дверям, королева села и, скорее для видимости, нежели из желания заняться рукоделием, принялась вышивать хоругвь в честь богородицы, полагая, что благодаря ее заступничеству (так удачно сложились обстоятельства) Гранада сдалась – как известно, она капитулировала без кровопролития.

Немного погодя дверь отворилась, и появился молодой человек в сопровождении доньи Беатрисы; он остановился в нескольких шагах от Изабеллы, почтительно держа в руках шляпу.

IV.

ИЗАБЕЛЛА И ФЕРДИНАНД

Дон Иниго Веласко – мы только что показали его читателю красивым стариком лет шестидесяти – шестидесяти пяти – в пору взятия Гранады был молодым человеком лет тридцати – тридцати двух прекрасной наружности, с большими глазами и длинными черными волосами; на его бледном лице лежала печать затаенной грусти, что говорит о несчастной любви и, следовательно, всегда вызывает благосклонность женщины, будь она даже самой королевой.

Конец ознакомительного фрагмента. Читать дальше:

[Перейти](#)